

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-61-78

Наталья Алексеевна ЧЕРНЯДЬЕВА

Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия
Павленко ул., д. 5, Симферополь, 295000, Российская Федерация
chernyadnatalya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2222-1886

Поступила в редакцию: 30.06.2019
Принята к публикации: 15.11.2019

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования вопросов международно-правовой борьбы с терроризмом не вызывает сомнений, так как он обоснованно относится к наиболее опасным угрозам миру и безопасности человечества. Решение современной проблемы терроризма требует использования не только национальных, но и международных механизмов. Пока нельзя говорить об успешном противостоянии этому злу. Поэтому исследование современного состояния и тенденций развития той части международно-права, которая посвящена противодействию терроризму, представляется исключительно важным.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. За более чем столетнюю историю противодействия терроризму была создана разносторонняя международно-правовая база, связанная с различными аспектами борьбы с ним. Для того, чтобы выявить тенденции международно-правовой борьбы с терроризмом, были исследованы универсальные и региональные антитеррористические конвенции, правовые документы международных организаций, решения международных судебных учреждений. Исследование основано на использовании методов индуктивного обобщения, сравнительно-правового анализа (преимущественно в его функциональном варианте), формально-юридического анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В работе показаны основные, наиболее значимые, тенденции развития международно-правовой борьбы с

терроризмом. К таковым относятся: согласование как *opinio juris* правовых признаков терроризма, правовых механизмов противодействия ему; институциональное развитие международно-правовой борьбы с терроризмом, выраженное в виде формирования дефинитивного аппарата и организационного механизма; обособление правовых предписаний принципиального характера для международно-правовой борьбы с терроризмом; растущая роль международных судебных учреждений в отправлении правосудия по делам, связанным с терроризмом.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ. По результатам исследования автор формулирует ряд предложений, способных оказать позитивное влияние на будущее международно-правовой борьбы с терроризмом. В частности, показано, что в целях формирования эффективного международно-правового механизма борьбы с терроризмом требуется на уровне ООН согласовать понятие терроризма, сформировать общеприемлемый перечень преступных террористических деяний, запрещенных международным правом, осуществить систематизацию международно-правовых источников, связанных с борьбой с терроризмом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международно-правовая борьба с терроризмом, тенденции развития, международная безопасность, международные антитеррористические конвенции, террористическое преступление, международный терроризм, ООН

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чернядьева Н.А. 2019. Тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом – *Московский журнал*

международного права. № 4. С. 61–78.
DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-61-78

DOI: 10.24833 / 0869-0049-2019-4-61-78

Natalya A. CHERNIADEVA

Crimean Branch, Russian State University of Justice
5, ul. Pavlenko, Simferopol. Russian Federation, 295000
chernyadnatalya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2222-1886

Received 30 June 2019
Approved 15 November 2019

TRENDS OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL LEGAL FIGHT AGAINST TERRORISM

INTRODUCTION. *The relevance of a research of international legal fight against terrorism does not raise doubts as terrorism reasonably belongs to the most dangerous threats to peace and safety of mankind. The solution of a modern problem of terrorism demands not only national, but also international mechanisms. According to the author, it is early to speak about successful opposition to this evil. Therefore, the research of the current state and trends of development of that part of international law that is devoted to counteraction to terrorism is extremely important.*

MATERIALS AND METHODS. *The versatile international legal base connected with various aspects of fight against terrorism was created for more than centenary period. Universal and regional anti-terrorist conventions, legal documents of the international organizations, decisions of the International Courts of Justice and tribunals were investigated to reveal trends of international legal fight against terrorism. The research is based on use of methods of inductive generalization, the comparative and legal analysis (mainly in its functional option) and the legalistic analysis.*

RESEARCH RESULTS. *The most significant trends of development of international legal fight against terrorism are shown in work. It is: coordination as opinio juris of the legal indications of terrorism, legal mechanisms of counteraction to it; the institutional development of international legal fight against terrorism expressed as formation of the definitive device*

and the organizational mechanism; isolation of legal instructions of basic character for international legal fight against terrorism; the growing role of the International Courts of Justice and tribunals in administration of justice against terrorism; formation two substantially various terrorist crimes: in a situation of wartime and in a "civil" situation.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. *By results of a research the author formulates a number of the offers capable to have a positive impact on the future of international legal fight against terrorism. In particular, the author shows that in order to form an effective international legal mechanism for combating terrorism, it is required at the UN level to agree on the concept of terrorism, to form a generally acceptable list of criminal terrorist acts prohibited by international law, to systematize international legal sources related to the fight against terrorism.*

KEYWORDS: *international legal fight against terrorism, development trends, international security, international anti-terrorist conventions, terrorist crime, international terrorism, UN*

FOR CITATION: Cherniadeva N.A. Trends of Development of International Legal Fight against terrorism. – *Moscow Journal of International Law.* 2019. No. 4. P. 61–78.
DOI: 10.24833/0869-0049-2019-4-61-78

1. Введение

Терроризм обоснованно относится к наиболее опасным угрозам миру и безопасности человечества. Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (далее – ООН) отмечает, что «на протяжении последних трех десятилетий число террористических актов, количество их жертв и их географические масштабы быстро увеличивались, и терроризм превратился в беспрецедентную угрозу для международного мира, безопасности и развития. Кроме того, увеличивались интенсивность и число международных и внутренних конфликтов, которые разрушают общество и дестабилизируют целые регионы. Сегодня терроризм является одной из наиболее серьезных проблем нашего времени»¹. Институт экономики и мира указывает, что в 2017 г. почти в два раза выросло количество государств – жертв терроризма по сравнению с 2015 г. (2017 г. – 106, а в 2015 г. – их было 65)².

Терроризм в XXI веке претерпел фундаментальные изменения, связанные с его высокой интернационализацией, резким ростом степени общественной опасности отдельных преступных эпизодов, трансформацией его методов. Существенно изменился характер террористической угрозы: особую остроту приобрели нападения, основанные на религиозных и националистических противоречиях.

Очевидно, что политико-правовое решение проблемы терроризма предполагает использование не только национальных, но и международных механизмов. Отметим, что международное сообщество во многом оказалось не готово к такому повороту событий. Несмотря на обширную международно-правовую базу, созданную для противодействия терроризму, пока нельзя говорить об успешном противостоянии этому злу. В то же время постоянное совершенствование международных правил по этому вопросу позволяет выделить традиционные, устойчивые предписания, определяющие характер международно-правового антитеррористического комплекса и тенденции его развития. Рассмотрим их.

2. Традиции международно-правовой борьбы с терроризмом

История международно-правовой борьбы с терроризмом насчитывает уже более ста лет. Еще в 1898 г. на Римской международной конференции, посвященной борьбе с анархизмом, было принято Решение, в котором европейские государства договорились о полицейском сотрудничестве в борьбе с актами анархического террора и о выдаче преступников-анархистов³. Однако по-настоящему активный процесс международного антитеррористического правотворчества начался лишь около 60 лет назад, в начале 60-х годов прошлого века, в связи с изменением характера террористической угрозы. Всего ООН и ее специализированные учреждения разработали 22 международных соглашения, которые являются юридическими инструментами противодействия терроризму (14 конвенций и 4 протокола действуют, еще две конвенции и два протокола приняты, но не вступили в силу). Всего в систему международно-правовых документов по борьбе с терроризмом включены более 180 государств – участников ООН.

В антитеррористических соглашениях системы ООН предусмотрена обязанность государств установить в национальном законодательстве уголовную ответственность за конвенционно запрещенные акты, а также придерживаться в практике межгосударственных отношений принципа *aut dedere aut judicare*. Таким образом, деятельность по предотвращению и расследованию преступлений террористического характера, наказанию лиц, виновных в их совершении, входит в систему суверенных государственных полномочий.

Анализ международно-правового механизма ООН, посвященного борьбе с терроризмом, позволяет выделить ряд его специфических черт.

Во-первых, ООН в лице своих органов и организаций взяла на себя руководящую роль в формировании и реализации норм международно-правовой борьбы с терроризмом. Основными направлениями в этой сфере становятся разработка универсальной правовой модели борьбы с

¹ Доклад Генерального секретаря «Деятельность системы Организации Объединенных Наций по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии Организации Объединенных Наций». 2018. П. 1. 2018. Доступ: https://www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=a/72/840&Lang=r (дата обращения: 12.06.2019).

² 2018 Global Terrorism Index. P. 3–4. URL: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2018/12/Deaths-from-terrorism-down-44-per-cent-in-three-years-but-terrorism-remains-widespread.pdf> (accessed date: 12.06.2019).

³ Проект секретного циркулярного предприятия российским представителям за границей об осуществлении решений Римской международной конференции 1898 г. по борьбе с анархизмом. Доступ: <http://doc20vek.ru/node/6>. (дата обращения: 06.06.2019).

терроризмом, создание условий для унификации национальных систем антитеррористического законодательства, мониторинг международной деятельности по вопросам безопасности и противодействия глобальной преступности [Лукашук 2004: 24, 72, 174-175].

Во-вторых, для международно-правовой борьбы с терроризмом характерна догоняющая модель правотворчества. Как правило, все документы принимаются в ответ на уже совершенные террористические преступления. Так, например, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (1970 г.) состоялась как международно-правовая реакция на массовые захваты самолетов в 50–60-е гг. прошлого века. В 1968–1970 годах случилось около 200 подобных преступлений, в том числе только в сентябре 1970 г. в течение одной недели было похищено четыре воздушных судна, в заложниках оказалось более 300 пассажиров и был причинен материальный ущерб на сумму более \$50 миллионов [Fahey et al. 2012: 586]. О догоняющей модели международно-правовой борьбы с терроризмом свидетельствует и то, что активное присоединение государств к антитеррористическим конвенциям началось лишь после событий 11 сентября 2001 г. [Masahiko 2009: 323]

В-третьих, основные международно-правовые антитеррористические документы – конвенции имеют секторальный характер и посвящены отдельным вопросам борьбы с терроризмом. Это создает «мозаичную» схему борьбы с терроризмом, не позволяет говорить о системности и полноте международно-правового управления исследуемой сферой общественных отношений [Энтин 1990: 24-35]. Вопрос об окончательном согласовании текста Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме пока не решен. Перспектива принятия этого документа представляется очень зыбкой [Hmoud 2006:1041]. Пока необходимо отметить, что общий объем международных документов, имеющих антитеррористическую направленность, нуждается в систематизации, создании, по выражению С.В. Черниченко, более четких контуров [Черниченко 2014: 67].

В-четвертых, международное сообщество не имеет четкого представления о правовой природе терроризма и, соответственно, не выработало системы мер по его искоренению. В связи с этим,

например, в основном программном документе – Глобальной контртеррористической стратегии практически отсутствуют правила по таким важным направлениям, как предупреждение и профилактика терроризма, выявление его причин и условий⁴.

В-пятых, на качество международного правотворчества в сфере борьбы с терроризмом оказывают негативное влияние его социально-политическая изменчивость и вариативность внешних форм выражения, сложность историко-политической обстановки, распространение политики двойных стандартов в деле борьбы с терроризмом [Bergesen, Lizardo 2004:47–49]⁵.

Все указанные черты традиционно присутствуют в комплексе норм международно-правовой борьбы с терроризмом. При этом в настоящее время сформировался ряд тенденций, которые определяют векторы потенциального развития исследуемого правового феномена. Рассмотрим наиболее значимые среди них.

3. Понятие «терроризм» в международном праве

В науке международного права отсутствует единство во взглядах на содержательные характеристики понятия «терроризм». Достаточно популярным считается мнение, что общемировая политическая ситуация и особенности национально-правовых подходов не позволяют создать общепринятое определение, что формирование его не является обязательным для эффективного противодействия терроризму [Абашидзе 2003: 37; Cassese 2001: 993]. Действительно, ни в универсальных конвенциях, ни в иных документах системы ООН не содержится общепризнанной дефиниции терроризма.

Обращает внимание попытка определить терроризм в резолюции СБ ООН 1566 (2004), в которой сказано, что никогда не могут быть оправданными «... преступные акты, в том числе против гражданских лиц, совершаемые с намерением причинить смерть или серьезный ущерб здоровью или захватить заложников с целью вызвать состояние ужаса у широкой общественности, или группы людей, или отдельных лиц, запугать население или заставить правительство

⁴ Амиров А.Э. Международно-правовые аспекты реализации Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2016. С. 12.

⁵ См. также: Кислицына Н.Ф. Развитие системы международного права на современном этапе. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. С. 12.

или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения и представляющие собой преступления по смыслу международных конвенций и протоколов, касающихся терроризма...». Данное определение, в связи с нормативным характером резолюций СБ ООН, посвященным мерам, необходимым для поддержания или восстановления международного мира и безопасности (ст. 39 Устава ООН), может расцениваться как общее правило, обязательное для применения государствами. Такую точку зрения высказывает, например, К. Уорд [Ward 2003: 293].

Еще одно определение дано в ст. 2 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма (1999 г.):

«1. Любое лицо совершает преступление..., если оно ... предоставляет средства или осуществляет их сбор ... для совершения:

a) какого-либо деяния, представляющего собой преступление согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

b) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»⁶.

В силу широкого круга участников этой Конвенции (187 государств)⁷ данное определение также можно считать согласованным международным сообществом в целях борьбы с терроризмом [Duffy 2005: 37].

Во всех универсальных и региональных анти-террористических договорах предлагаются различные подходы к определению терроризма. Тем не менее представляется возможным выделить группу общих конвенционных признаков данного явления. К ним относятся:

- противоположность и многослойность социально-политического содержания;
- наличие в основе политического насилия в отношении отдельных лиц, государств, международных организаций, всего мирового сообщества в целом или отдельных его частей;
- преследование цели подрыва, дестабилизации и (или) уничтожения существующего политического, социального, цивилизационного устройства, наведение социального страха и ужаса;
- использование тактики опосредованного влияния на субъектов политического процесса через преступное воздействие на гражданское население;
- осуществление преимущественно в виде организованной деятельности.

Признание в доктрине международного права и правотворческой практике ООН единых международно-правовых признаков терроризма говорит о тенденции выработки согласованного большинством государств определения исследуемого явления. О возможности и научной допустимости такого вывода в свое время говорил еще Б. Дженкинс в 1974 г.: «приблизительный консенсус в вопросе о содержании терроризма возможен и без какого-либо международного соглашения о точной его дефиниции» [Jenkins 1974:16].

В Предварительном решении о применимом праве от 16.02.2011 Специальный трибунал по Ливану (далее – СТЛ) отметил, что «...несмотря на то, что не существует общепринятого для мирового сообщества определения терроризма, ... при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что такое определение постепенно сформировалось. Ряд договоров, резолюций ООН, законодательная и судебная практика государств стали выражением *opinio juris*, что свидетельствует о появлении обычной нормы международного права, посвященной преступлению "международный терроризм", по крайней мере, в мирное время»⁸. Приведенное утверждение спорно, но можно согласиться с тем, что в международном праве сформировалось общее представление о содержании понятия «терроризм».

⁶ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 12.06.2019).

⁷ См.: Multilateral Treaties Deposited with the Secretary-General. Status of Treaties. URL: <https://treaties.un.org/Pages/ParticipationStatus.aspx> (accessed date: 12.06. 2019).

⁸ Анализ всех признаков терроризма в универсальных и региональных конвенциях дан в таблице – Приложении.

⁹ Interlocutory Decision on the Applicable Law: Terrorism, Conspiracy, Homicide, Perpetration, Cumulative Charging. 2011. Para 83, 85, 91. URL: <http://www.stl-tsl.org/en/the-cases/stl-11-01/main/filings/orders-and-decisions/appeals-chamber/f0936> (accessed date: 12.06. 2019).

Особенностью всех антитеррористических конвенций является смешение понятий «терроризм» и «террористическое преступление». Как правило, каждая конвенция предлагает свой перечень запрещенных террористических деяний, подразумевая, что их совокупность и является терроризмом. При этом в конвенциях не предлагается единых признаков террористического преступления. Подобный технический прием нельзя признать достаточным и эффективным в целях борьбы с терроризмом. Представляется верным сосредоточить межгосударственное сотрудничество прежде всего на борьбе именно с террористическим преступлением. Это будет способствовать формированию единых международно-правовых стандартов противодействия терроризму и позволит избежать ситуации нормативно-правовой конкуренции в правоприменительной антитеррористической деятельности.

Еще одна специфическая черта современного комплекса международно-правовых антитеррористических норм – это отсутствие единого мнения, что должно являться объектом борьбы: терроризм или только его международный вариант [Орлова, Пацек 2018:9]. По этому поводу выскажем следующее соображение. Вызывает сомнения, по крайней мере с правовой точки зрения, наличие двух самостоятельных феноменов: внутригосударственного терроризма и международного терроризма. Выявленные признаки терроризма, закрепленные в международно-правовых документах, в равной степени характеризуют как внутригосударственный, так и международный терроризм; корректно определяют социально-политическую и антиправовую сущность всех проявлений терроризма. Кроме того, в целях искоренения терроризма и уничтожения его условий и предпосылок в мировых масштабах предполагается верным с помощью международного права вести борьбу с терроризмом вообще, а не только с его международным вариантом [Синякин 2017:78-79].

4. Тенденция институционализации международно-правовой борьбы с терроризмом

Международно-правовая борьба с терроризмом как специфический комплекс международно-правовых норм пока не получила свое-

го стабильного места в существующей системе международного права. Правила, связанные с борьбой с терроризмом, содержатся в различных признанных отраслях и институтах международного права (международного уголовного права, международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, международного гуманитарного права, права международной безопасности, международного права прав человека и др.) [Ляхов, Ляхов, Алимов 2015: 187]¹⁰.

Можно назвать ряд факторов, свидетельствующих о процессе обособления комплекса международно-правовых норм, посвященных этому вопросу. В первую очередь это сформировавшийся международно-социальный запрос на регулирование сферы борьбы с терроризмом, признание мировым сообществом важности такой деятельности. Представляется, что в этом аспекте уместно говорить о тенденции фрагментации международного права, вызванной необходимостью международно-правового ответа на новые или трансформировавшиеся вызовы мировому сообществу, среди которых терроризм занимает одно из первых мест.

Среди важных для международного сообщества задач, связанных с международно-правовой борьбой с терроризмом, отметим следующие.

Во-первых, исключительная опасность терроризма для всего мира требует масштабной системной реакции со стороны субъектов международного права. Д. Моекли пишет об этом как о факторе повышения качества антитеррористической деятельности [Моекли 2008:176-177].

Во-вторых, эффективная борьба с терроризмом на международном уровне не представляется возможной лишь с помощью существующих инструментов международного права. Требуется систематизация уже существующих международно-правовых предписаний, формирование согласованных международно-правовых дефиниций «терроризм» и «террористическое преступление».

В-третьих, только в рамках международного права можно организовать наиболее эффективный контроль в случае нарушения правовых норм антитеррористической направленности субъектами международного права.

В-четвертых, современная борьба с терроризмом, осуществляемая как на национальном, так и на международном уровнях, требует согласования государственных подходов. В докладе Ис-

¹⁰ См. также: *Международное право: учебник*. Отв. ред. А.Н. Вылегжанин. М.: Юрайт. 2009. С. 756–765; *Международное право: учебник*. Отв. ред. С.А. Егоров. 5-е изд. М.: Статут. С. 698–706.

следовательской группы КМП отмечается, что достижение единообразия в применении международно-правовых норм является одной из причин роста сегмента «специализированных режимов» [Koskenniemi 2007:73-74].

В-пятых, в условиях глобального распространения террористической угрозы международное право предоставляет уникальные возможности для создания свода правил, предусматривающих меры по искоренению условий, предпосылок и причин терроризма.

Обращает внимание, что все выделенные задачи имеют практическую окраску, ориентированы на создание безопасных международных условий и более эффективное взаимодействие государств по этому вопросу. Таким образом, очевидна функциональная ориентация комплекса международно-правовых норм о борьбе с терроризмом, что в целом соответствует современной модели развития международного права [Koskenniemi 2007: 21, 70-71].

Процесс обособления международно-правовой борьбы с терроризмом также отражает и иные тенденции развития международного правопорядка. Прежде всего это внутренняя неоднородность и многомерность комплекса международно-правовых норм, посвященных борьбе с терроризмом. Подобная многослойность обусловлена активной правотворческой деятельностью различных субъектов в сфере борьбы с терроризмом [Fullerton 2011:4-30].

Так, например, институт международно-правового статуса беженцев традиционно относится к международному праву прав человека, но конкретные предписания в отношении беженцев разработаны и для жертв террористических атак¹¹. Институт международных гарантий, давно работающий в рамках права международной безопасности и международного гуманитарного права, стал актуальным и в сфере международно-правовой борьбы с терроризмом. Например, в феврале 2017 г. Россия выступила гарантом перемирия между правительством Сирии и некоторыми группировками боевиков, отмежевавшихся от террористов, взяв на себя обязательство обеспечить безопасность их семьям до конца вооруженного конфликта¹².

Международно-правовой режим борьбы с терроризмом не может претендовать на наличие «автономного и замкнутого механизма регулирования». Сложно определить «основную привязку» исследуемого правового комплекса к какой-либо отрасли права. С другой стороны, международно-правовые отношения, возникающие в связи с борьбой с терроризмом, обладают высокой специфичностью, позволяющей говорить об их относительно обособленном характере.

К.А. Бекашев называет определенный объект правового регулирования центральным признаком института международного права [Бекашев 2019: 26]. Борьба с терроризмом формально может быть признана особым объектом правового регулирования, в отношении которого сложился комплекс международно-правовых норм.

Перед тем как перейти к рассмотрению институциональных свойств исследуемого комплекса, подчеркнем следующее. Вопрос о месте международно-правовой борьбы с терроризмом в системе международного права носит не догматический умозрительный характер. Анализ предлагаемых теорией международного права институциональных признаков позволяет определить «зрелость» комплекса правовых норм и наметить меры, необходимые для повышения его регулятивной эффективности. Поэтому качественный анализ институциональных признаков международно-правовой борьбы с терроризмом имеет целью показать ее «проблемные зоны» и предложить пути устранения имеющихся недостатков.

В теории международного права предлагаются признаки института международного права:

- устойчивость и систематичность, связанные с длительностью и стабильностью внутренней организации института;
- наличие комплекса однопорядковых нормативных положений, имеющих вид обособленной системы источников права;
- способность обеспечивать разностороннее воздействие на данный участок общественных отношений;
- наличие между правовыми нормами закономерных связей, выраженных в юридических конструкциях и общих предписаниях [Курс международного права...1989: 264].

¹¹ Доклад Генерального секретаря ООН «Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии». 2006. П. 6. Доступ: <https://www.cisatc.org/54548866.doc> (дата обращения: 12.06.2019).

¹² Гарант мира: Россия привлекла к борьбе с терроризмом новых сторонников. 2017. Доступ: <https://inforeactor.ru/62323-garant-mira-rossiya-privlekla-k-borbe-s-terrorizmom-novyh-storonnikov> (дата обращения: 12.06.2019).

Все эти признаки характерны для комплекса норм международно-правовой борьбы с терроризмом. Однако отметим их неполную реализацию.

Так, условной можно считать устойчивость и стабильность внутренней организации международно-правовой борьбы с терроризмом. В частности, актуальными уже длительное время остаются вопросы создания международного организационного механизма антитеррористической борьбы, выработка единой общемировой стратегии борьбы с терроризмом, корректно совмещающей политические и правовые аспекты; уточнение субъектов террористической активности и др.

Возникают вопросы и по поводу признания состоявшейся собственной системы источников международно-правовой борьбы с терроризмом. Материально-правовая основа международной борьбы с терроризмом составляет обширный массив различных правовых актов как универсального, так и региональных уровней. Все они ориентированы на реализацию единой цели: «предупреждение, пресечение и ликвидацию терроризма во всех его формах и проявлениях с целью обеспечить наличие всеобъемлющих правовых рамок, включающих все аспекты этого вопроса»¹³. Однако, как уже было показано выше, антитеррористические конвенции не предлагают единого правового управления антитеррористической сферой, имеют внутренние противоречия. Выбранный ООН секторальный подход способен эффективно работать лишь в узких, конкретных аспектах борьбы с терроризмом (борьба с терроризмом в аэропортах, на континентальном шельфе, на борту воздушных судов и т. п.). Это отрицательно сказывается на эффективности противодействия в целом, создает почву для двойных стандартов, коллизий в применении правовых норм. Все это позволяет говорить об условной системности источников международно-правовой борьбы с терроризмом.

Повышению качества их системности могла бы способствовать кодификация [Остроухов, Ромашев 2014: 219]. В настоящее время в Шестом комитете ГА ООН обсуждается проект Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме, инициатива о создании которой

была вызвана, в том числе, осознанием необходимости формирования комплексных и последовательных подходов и согласованных действий и стратегий в сфере борьбы с терроризмом¹⁴. Представляется, что Всеобъемлющая конвенция должна сыграть решающую роль в придании актам международно-правовой борьбы с терроризмом более стройного системного вида. Она может стать механизмом не только изменения, но и уточнения международно-правовых антитеррористических предписаний, что, несомненно, будет способствовать прогрессивному развитию международного права в целом.

Третий признак института международного права – наличие общих юридических конструкций и предписаний – также не может считаться окончательно сложившимся. В сфере международно-правовой борьбы с терроризмом на современном этапе происходит системное оформление дефинитивного аппарата. Можно отметить некоторые достижения на этом пути. Во всех конвенциях установлены *de facto* гармонизированные перечни преступных террористических деяний. СБ ООН активно участвует в работе по ведению единого сводного санкционного перечня, в который включены физические лица и преступные группировки, виновные в совершении террористических преступлений. Однако до настоящего момента не решен один из центральных дефинитивных вопросов международно-правовой борьбы с терроризмом – не сформулировано общепринятое понятие «терроризм», соответственно, не решен вопрос о разграничении терроризма с близкими по содержанию феноменами, предполагающими применение политического насилия (к таковым можно отнести, например, национально-освободительное движение). Все это позволяет говорить об элементах конструктивной основы международно-правовой борьбы с терроризмом.

Для международно-правовой борьбы с терроризмом на стадии становления находится и четвертый институциональный признак – способность системного разностороннего управления международными отношениями, связанными с борьбой с терроризмом. В антитеррористическую систему ООН входят более 40 различных по правовому статусу и иерархическому по-

¹³ См., например, Международную конвенцию о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.; Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма 1994 г.

¹⁴ См.: Доклад Специального комитета, учрежденного резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1996 г. Шестнадцатая сессия (8–12 апреля 2013 года). Приложение III. П. 6. С. 23. Доступ: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/68/37> (дата обращения: 05.06.2019).

ложению органов, каждый из которых имеет собственную компетенцию¹⁵. Помимо разработанного в системе ООН, механизм противодействия терроризму существует и на региональном уровне. Практически во всех региональных межгосударственных организациях приняты декларации, стратегии, конвенции, посвященные исследуемому вопросу¹⁶.

Несмотря на многочисленность международных органов, ведущих борьбу с терроризмом, по некоторым направлениям можно отметить нерезультативность такой борьбы. В частности, отмечается их стратегическая ориентация на ликвидацию последствий, а не причин угрожающего мировой безопасности деяния; дублирование разрозненных антитеррористических программ; фрагментарность в подходах и политика создания комитетов и программ в ответ на индивидуальные атаки, без разработки согласованной и скоординированной реакции и др. [Rosand 2006:407]. Думается, что осуществляемая в настоящее время реформа системы антитеррористических организаций и органов ООН, в рамках которой в июне 2017 г. было создано Контртеррористическое управление ООН, нуждается в более быстрых темпах реализации.

5. Тенденция формирования принципиальной основы международно-правовой борьбы с терроризмом

Вопрос принципиальной основы международно-правовой борьбы с терроризмом относится к разряду слабо исследованных и «проблемных». Решение этого вопроса представляется исключительно важным. Большой комплекс меж-

дународно-правовых антитеррористических документов (конвенций, резолюций СБ ООН и ГА ООН, решений иных международных организаций) нуждается в общей доктринальной основе, иначе говоря, системе принципиальных положений, обеспечивающих единство правовых подходов к борьбе с терроризмом. Высокий уровень системности норм, связанных с обеспечением мировой безопасности, представляется необходимым условием их эффективной деятельности [Бекашев 2016:41].

В антитеррористических международных конвенциях системы ООН не называются специальные принципы, которыми должны руководствоваться государства. Однако в преамбулах большинства универсальных конвенций указывается, что государства-участники принимают во внимание цели и *принципы Устава ООН*, касающиеся поддержания международного мира и безопасности, развития добрососедства и дружественных отношений между государствами¹⁷.

Кроме того, во всех антитеррористических конвенциях системы ООН содержится норма, прямо не названная принципом, но по своему содержанию соответствующая статусу отраслевого принципа международного права: *Aut dedere aut judicare*¹⁸. Нормы аналогичного содержания имеются во многих региональных международных договорах, посвященных борьбе с терроризмом, в проекте Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме.

В ряде конвенций системы ООН имеются специальные правила о гарантиях соблюдения прав человека в отношении лиц, подозреваемых/обвиняемых в совершении террористического преступления¹⁹, о необходимости уважения и

¹⁵ См.: Система Организации Объединенных Наций. Доступ: [http://www.un.org/ru/aboutun/structure/images/chart_letter%20color\(1\).pdf](http://www.un.org/ru/aboutun/structure/images/chart_letter%20color(1).pdf) (дата обращения: 12.06.2019).

¹⁶ Среди наиболее значимых международных организаций, активно борющихся с терроризмом, назовем: Совет Европы, Европейский Союз, ШОС, ОДКБ, Ассоциацию регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), Организацию африканского единства (ОАЕ), Лигу арабских государств (ЛАГ), Организацию Исламского Сотрудничества (ОИС), Организацию Американских государств (ОАГ).

¹⁷ См., например, преамбулы следующих международно-правовых актов: Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г., Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г.

¹⁸ О том, что обязательство *Aut dedere aut judicare* стало *de facto* принципом международного уголовного права, см., например: *Case Bosnia and Herzegovina v. Serbia. Judgment. – I.C.J. Reports. 2007. Para 75. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/index.php?p1=3&p2=3&k=f4&case=91&code=bhy&p3=4> (accessed date: 12.06.2019).*

¹⁹ См.: ст. 17 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 12.06.2019); ст. 10, 12 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nucl_ter.shtml (дата обращения: 12.06.2019); ст. 10 Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/maritime.shtml (дата обращения: 12.06.2019).

соблюдения принципов суверенного равенства и территориальной целостности в ходе борьбы с терроризмом²⁰.

Проведенный обзор показывает, что в международных договорах, посвященных борьбе с терроризмом, отсутствуют специальные принципы, на основании которых можно было бы вести речь об отраслевой самостоятельности международно-правовой борьбы с терроризмом.

Необходимость конкретизации принципиальной основы анализируемого правового режима осознается и государствами – участниками борьбы с терроризмом, и ООН. Например, во время обсуждения проекта Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме представители государств и международных организаций неоднократно ставили вопрос о важности включения в текст конвенции принципов, в соответствии с которыми должна вестись борьба с терроризмом²¹.

В существующем проекте Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме четко не говорится о правовых принципах борьбы с ним. Но, учитывая всеобъемлющий характер документа, идею создания в нем системы базовых правовых предписаний в международной анти-террористической сфере, предположим, что ряд правил Проекта могут расцениваться как международно-правовые принципы, управляющие сферой международной борьбы с терроризмом. Назовем их:

- принцип соблюдения прав человека (преамбула);
- принцип признания актов терроризма нарушающими систему поддержания международного мира и безопасности (преамбула);
- принцип обеспечения суверенитета государств (преамбула);
- принцип выдачи или преследования по национальному закону лиц, виновных в совер-

шении террористических преступлений (преамбула);

- принципы суверенного равенства, территориальной целостности государств и невмешательства во внутренние дела других государств (ст. 21 [20]).

Все выявленные принципы являются основными (общими) в международном праве (за исключением принципа *Aut dedere aut judicare*, который носит отраслевой характер и относится к международному сотрудничеству в борьбе с преступлениями), соответственно, не могут являться основанием для признания комплекса норм международно-правовой борьбы с терроризмом отраслью международного права.

В научных исследованиях тема принципов международно-правовой борьбы с терроризмом затронута слабо. Но тем не менее в науке международного права высказано мнение о необходимости выделения специальных принципов исследуемого правового режима [Awotoye 2013: 32, 44].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в международно-правовых актах, доктрине международного права не сформулированы правовые нормы, касающиеся борьбы с терроризмом, способные претендовать на статус специальных отраслевых принципов. Все принципиальные положения носят либо общий (основной) характер, либо относятся к уже существующим иным отраслям международного права. Это подтверждает выявленную ранее в данной работе черту международно-правовой борьбы с терроризмом: ее комплексный характер и несовершенство ее организации. Хотелось бы отметить тенденцию становления особых, специальных для международно-правовой борьбы с терроризмом принципиальных положений. Это:

- недопустимость ассоциации терроризма с любой религией, национальностью, цивилизацией или этнической группой²²;

²⁰ См.: ст. 4 Конвенции о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом 2008 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/extradition_mutlegal_assist.shtml (дата обращения: 12.06.2019); Art. 18 of 2004 Additional Protocol to the SAARC Regional Convention on Suppression of Terrorism URL: <https://www.refworld.org/docid/49f6b7ad2.html> (accessed date: 12.06.2019).

²¹ См.: Legal Committee Urges Conclusion of Draft Comprehensive Convention on International Terrorism. October 8, 2012. URL: <http://www.un.org/News/Press/docs/2012/gal3433.doc.htm> (accessed date: 02.06.2019).

²² См., например: Art. 3 (2) 2007 Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) Convention on Counter-Terrorism 2007. URL: <https://asean.org/storage/2012/05/ACCT.pdf> (accessed date: 12.06.2019); Art. 2(b) of 1999 Organization of African Unity (OAU) Convention on the Prevention and Combating of Terrorism. URL: <https://au.int/en/treaties/oau-convention-prevention-and-combating-terrorism> (accessed date: 12.06.2019); Art. 2(b) of 2004 Convention of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf on Combating Terrorism. URL: https://www.un-ilibrary.org/convention-of-the-cooperation-council-for-the-arab-states-of-the-gulf-on-combating-terrorism_a6ef688a-en.pdf?itemId=%2Fcontent%2Fcomponent%2F688a-en&mimeType=pdf (accessed date: 12.06.2019).

– недопустимость оправдания терроризма какими бы то ни было идеями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного аналогичного характера²³;

– признание приоритетным правового внимания к мерам предупреждения терроризма.

Названные идеи пока еще не могут считаться общепризнанными, но, думается, в обязательном порядке должны учитываться при формировании международно-правового антитеррористического управления. Их реализация позволит сформировать стратегически правильный вектор правовой борьбы с терроризмом в международных масштабах.

Отметим, что юридическая значимость вышеприведенных положений не может расцениваться как очевидное обстоятельство, свидетельствующее об их принципиальном характере. Принципы права имеют объективную природу. Попытка дедуктивного создания «нового» принципа, без учета его объективного характера, не отвечает критериям истинности и научности. Возможно, в перспективе развитие международно-правового антитеррористического регулирования приведет к приданию этим положениям статуса принципов отраслевого значения, но пока нет оснований говорить об этом.

6. Тенденция формирования международно-правового судебного механизма преследования терроризма

Национальная юрисдикция продолжает оставаться базовой при решении вопросов установления и осуществления уголовной ответственности по делам о террористическом преступлении. Во всех международных антитеррористических соглашениях для противодействия терроризму предусмотрено использование национального уголовного права. Однако международно-право-

вая практика подтверждает общую тенденцию к расширению международной юрисдикции в отношении некоторых видов террористических преступлений. Примеры привлечения к международной уголовной ответственности за террористические преступления дают Специальный суд по Сьерра-Леоне, Международный трибунал по Руанде, Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ)²⁴.

В большинстве случаев лица привлекались к ответственности не за акты террора, а за иные преступления, которые включали в себя элементы террористического поведения в ситуации вооруженного конфликта; «терроризирование», «кампания террора» и создание «атмосферы террора» рассматривались как элемент объективной (деяние) или субъективной (в виде цели) стороны преступления. Так, генерал Крстич (МТБЮ) был признан виновным в совершении преступления против человечности за «кампанию террора», состоявшую из угроз, оскорблений, разграбления и сожжения зданий, избиений, изнасилований и убийств боснийских мусульман в 1995 г., совершенную с «... очевидным намерением ужаснуть народные массы»²⁵.

Первый президент Республики Сербской Р. Караджич был признан МТБЮ виновным в совершении «... геноцида, преследования, истребления, убийства, депортации и других бесчеловечных деяний как преступлений против человечности, а также [в совершении]. убийств, террора, незаконных нападения на гражданских лиц и захват заложников как нарушение законов или обычаев войны». 20 марта 2019 г. Апелляционная палата Международного остаточного механизма для уголовных трибуналов подтвердила правильность основных выводов МТБЮ и приговорила Р. Караджича к пожизненному заключению²⁶.

Особняком стоит созданный в 2007 году Специальный трибунал по Ливану (далее – СТЛ). В отличие от остальных трибуналов, СТЛ рас-

²³ См., например: ст. 6 Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/nuc_ter.shtml (дата обращения: 12.06.2019); ст. 5 Международной конвенции о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml (дата обращения: 12.06.2019).

²⁴ МТР прекратил свою работу 31 декабря 2015 г. МТБЮ прекратил свою работу 31 декабря 2017 г.

²⁵ Prosecutor v. R. Krstic. Case № IT-98-33-T. August 2, 2001. Para. 147, 150, 671. URL: <http://www.icty.org/action/cases/4>. (accessed date: 12.06. 2019).

²⁶ Prosecutor v. Radovan Karadzic. Case No. IT-95-5/18-T. Judgement. March 24, 2016. Para 4939, 5997, 6004, 6005, 6008, 6009. URL: https://www.icty.org/x/cases/karadzic/tjug/en/160324_judgement.pdf (accessed date: 12.06. 2019); Prosecutor v. Radovan Karadzic. Case No. MICT-13-55-A. In The Appeals Chamber. March 20, 2019. Para 97, 102, 285, 289, 318, 476, 478, 507, etc. URL: <http://www.irmct.org/sites/default/files/casedocuments/mict-13-55/appeals-chamber-judgements/en/190320-judgement-karadzic-13-55.pdf> (accessed date: 12.06.2019).

считает преступление террористического характера, совершенное за пределами военного конфликта. В Предварительном решении о применении права от 16 февраля 2011 г.²⁷ максимально полно и ярко проявилась неоднозначность сложившейся в международном праве ситуации вокруг феномена терроризма. В судебном акте прямо признается, что судьи расширительно понимают способ совершения преступления, по правилам, как это предусматривается обычным международным, а не национальным правом, так как это «...лучше подходит для наказания современных форм терроризма» (*Para 129, 130. Interlocutory Decision*). Суд постановил, что любой акт терроризма будет караться, независимо от способа и средств его совершения (*Para 138. Interlocutory Decision*).

Таким образом, можно сказать, что СТЛ самостоятельно сформулировал признаки нового состава преступления, ранее не бывшего подсудным ни одному международному трибуналу. Это, безусловно, выходит за рамки материально-правового поля, в котором должен действовать СТЛ. В этом видится не единый подход международного сообщества, а частное мнение конкретного судебного состава, выдаваемое за универсальное. Подобная практика не может быть признана соответствующей демократическому правопорядку, нарушает идеи верховенства права и полной реализации принципа уважения и защиты прав человека. Отметим, что Предварительное решение СТЛ получило неоднозначную оценку в юридическом сообществе. Его называют «смелой попыткой решения одной из наиболее актуальных проблем международного права», квазизаконодательным актом, основанным на ложной предпосылке об эффективном судопроизводстве, «нетрадиционным толкованием принципа интерпретации» [Gillett, Schuster 2011: 1041; Ventura 2011: 991-994, 997].

Ситуацию по рассмотрению дел, связанных с терроризмом, сложившуюся в МУС, также можно назвать неоднозначной. В настоящее время в производстве МУС находится два условно «террористических» дела: о деятельности ИГИЛ

в Ливии и в отношении Ахмада аль-Махди аль-Факи, бывшего лидера «Ансар ад-Дин» (террористической организации, связанной с Аль-Каидой), обвиняемого в уничтожении десяти религиозных памятников (объект всемирного наследия ЮНЕСКО) в 2012 г. в Тимбукту (Мали). По мнению МУС, юрисдикция Суда в данном случае *prima facie* распространяется на такие преступления²⁸. Распространение своей юрисдикции на эти преступления видится не достаточно обоснованным, не подтвержденным правовым основанием, предусмотренным в Статуте МУС. Думается, что МУС расширительно толкует возложенные на него обязанности по привлечению лиц к международно-уголовной ответственности.

Анализ международной правоприменительной практики позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, установлена опасная тенденция перехода от конвенционного (статутного) материально-правового основания обвинения лиц в совершении преступлений к не согласованному в межгосударственной среде и во многом являющемуся выражением субъективного мнения состава суда, выносящего обвинительный приговор. При этом не наблюдается стабильности и единообразия международной правоприменительной практики [Jodoin 2007: 77-115]. Представляется, что это грубо нарушает принципы международного уголовного судопроизводства, в том числе те, которые устанавливают общепризнанные минимальные стандарты обеспечения прав обвиняемых [Zverev 2015: 21].

Во-вторых, *de facto aut de jure* международные уголовные суды наделены полномочиями для фрагментарного расследования и осуждения некоторых видов террористических преступлений. Специфика заключается в том, что они не приобрели статуса самостоятельного *corpus delicti*, а рассматривались как элементы других запрещенных деяний.

Критике подлежит и смешение в судебных актах понятий «терроризм» и «террористическое преступление». Основанием для привлечения к уголовной ответственности представляется

²⁷ Interlocutory Decision on the Applicable Law: Terrorism, Conspiracy, Homicide, Perpetration, Cumulative Charging. Appeals Chamber. Case STL-11-01/I. February 26, 2011. URL: <http://www.stl-tsl.org/en/the-cases/stl-11-01/main/filings/orders-and-decisions/appeals-chamber/f0936> (accessed date: 12.06.2019).

²⁸ См.: Eleventh Report of the Court to the UN for 2014/15. August 28, 2015. Para 55, 56. URL: https://www.icc-cpi.int/iccdocs/other/UNGA_2015-Eng.pdf (accessed date: 12.06.2019); The Prosecutor v. Ahmad Al Faqi Al Mahdi. Case No. ICC-01/12-01/15. URL: https://www.icc-cpi.int/en_menus/icc/situations%20and%20cases/situations/icc0112/related-cases/ICC-01_12-01_15/Pages/default.aspx (accessed date: 12.06.2019).

верным считать совершение *террористического преступления*, а не участие в *терроризме*.

В-третьих, международные судебные учреждения рассматривают два варианта террористического преступления. Одно – как военное преступление. Другое – совершенное в мирное время [Saul 2008:297, 311-312]. Анализ показывает, что оба состава преступления характеризуются содержательной самостоятельностью, различным набором качественных характеристик, отличающимися источниками ответственности [Jodoip 2007: 85-86; Cassese 2005:121]. «Военный терроризм» оказался юридически закапсулирован в двух формах: терроризирование гражданского населения и совершение терактов. В отличие от этого «терроризм мирного времени» предполагает более широкий круг деяний [González 2007: 90].

В-четвертых, террористическое преступление, совершаемое в международном масштабе, в силу своих специфических признаков (конвенционная природа ответственности, особенности объекта преступного посягательства и др.) дает основания идентифицировать эту группу как преступления международного характера [Волеводз 2007:13]. При этом активное участие международных судебных учреждений в осуждении террористических преступлений позволяет выявить тенденцию появления новой группы международных преступлений, связанных с терроризмом. К таковым можно отнести террористические деяния, связанные с государственным участием в терроризме и с поведением международных террористических группировок, которые следует считать «международными преступлениями на стадии становления»²⁹.

7. Заключение

Подведем итоги изложенного. В работе проведен анализ тенденций развития международно-правовой борьбы с терроризмом. Отметим, что исследованы лишь наиболее значимые векторы развития соответствующего комплекса международно-правовых норм. Так, за пределами настоящей работы остались вопросы эволюции цели террористического преступления по международному праву, вопросы применения международного права к контртеррористическим операциям [Sion 2014: 456], международно-правовой статус лиц, виновных в совершении террористи-

ческих преступлений, эволюция методов международно-правовой борьбы с интернациональными террористическими группировками.

Отметим основные тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом.

1. Специфическими чертами международно-правового механизма ООН, посвященного борьбе с терроризмом, являются: мировое признание руководящей роли ООН, догоняющая модель конвенционного правотворчества, секторальный характер антитеррористических конвенций, отсутствие общепризнанного международно-правового определения «терроризм», негативное влияние на международное правотворчество политических факторов (историко-политической обстановки, политики двойных стандартов).

2. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в международном праве постепенно складывается *opinio juris* в отношении правовых признаков терроризма, правовых механизмов противодействия ему.

3. В международном праве выявлена тенденция смешения понятий «терроризм» и «террористическое преступление». Думается, что необходимо согласование на уровне ООН обоих терминов. Разработка определения «терроризм» будет способствовать созданию теоретической основы для создания эффективных механизмов искоренения причин и условий, порождающих терроризм, подготовке оптимальной универсальной правовой модели борьбы с известными проявлениями терроризма. Дополнительно требуется согласовать общий перечень преступных террористических деяний, запрещенных международным правом.

4. Существует неопределенность в решении вопроса о том, с чем должно бороться международное право: с международным терроризмом или более объемным феноменом «терроризм». Предлагается сконцентрировать внимание международного сообщества на противодействии любым проявлениям терроризма, а не только на его международной версии.

5. Необходимость особого правового регулирования международно-правовых отношений, возникающих в связи с борьбой с терроризмом, а также выявленные перспективы развития позволяют сделать вывод о тенденции институционального развития международно-правовой борьбы с терроризмом. Динамика и много-

²⁹ *Международное уголовное право: учебное пособие*. Под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. 2-е изд. М.: Наука. 1999. С. 90.

ликость феномена терроризма стали причинами обращения внимания на него различных международно-правовых комплексов. Соответственно, в предметах регулирования нескольких отраслей международного права можно найти антитеррористический компонент. При этом нельзя думать, что подобный подход исключает наличие общих правил в международно-правовой антитеррористической сфере. Единая цель всех антитеррористических правовых предписаний, независимо от их отраслевой (институциональной) принадлежности, позволяет говорить об их видовом родстве и возможности объединения всех их в будущем в один международно-правовой институт.

6. Международно-правовая борьба с терроризмом не может считаться окончательно сложившимся элементом международного права из-за имеющихся нерешенных проблем системного свойства. В исследуемом правовом комплексе выявлены тенденции формирования единых дефинитивного аппарата и организационного механизма, систематизации международно-правовых источников.

7. Принципиальная основа исследуемого международно-правового комплекса не имеет самостоятельного значения, включает в себя

ряд общих и специальных отраслевых принципов международного права. Отмечена тенденция обособления группы регулятивно значимых правовых предписаний, которые в будущем могут претендовать на статус принципов международно-правовой борьбы с терроризмом.

8. Представляется опасной – как противоречащая принципиальной основе международного уголовного права, нормам *jus cogens* – выявленная тенденция осуждения за террористические преступления в международных судебных учреждениях не только на основании запретительных правил Статутов, но и на основании субъективного судебного толкования норм международного права. Это подлежит критической оценке в части обеспечения процессуальных прав и гарантий лиц, обвиняемых в уголовных преступлениях.

9. Международный уголовно-правовой механизм привлечения к ответственности за терроризм предусматривает два содержательно различных варианта преступлений (военного и совершенного за пределами вооруженного конфликта). В настоящее время сложились условия для единого международно-правового подхода в осуждении за все террористические преступления, независимо от обстановки их совершения.

Список литературы

1. Абашидзе А.Х. 2003. Борьба с терроризмом, международный уголовный суд и Российская Федерация. – *Российский ежегодник международного права. Специальный выпуск*. СПб.: Россия-Нева. С. 35–40.
2. Бекашев К.А. 2016. Необходимо ли внесение серьезных изменений в существующую систему норм международного права? – *Будущее международного права*. Под ред. К.А. Бекашева. М.: Проспект. С. 17–47.
3. Бекашев К.А. 2019. *Международное право*. М.: Проспект. 1048 с.
4. Волеводз А.Г. 2007. К вопросу о сущности и содержании международного сотрудничества в борьбе с преступностью. – *Международное уголовное право и международная юстиция*. № 1. С. 11–20.
5. *Курс международного права: В 7 т. Т. 1: Понятие, предмет и система международного права*. Отв. ред. Р.А. Мюллерсон, Г.И. Тункин. 1989. М.: Наука. 360 с.
6. Лукашук И.И. 2004. *Право международной ответственности*. М.: Волтерс Клувер. 218 с.
7. Ляхов Е.Г., Ляхов Д.Е., Алимов А.А. 2015. *Безопасность государства и мирового сообщества: теоретико-правовая формула обеспечения в XXI веке*. Челябинск: Цицеро. 302 с.
8. Орлова И.А., Пацек М. 2018. Международно-правовые аспекты борьбы с международным терроризмом: проблемы правового регулирования. – *Управленческое консультирование*. № 4. С. 8–15. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-8-15.
9. Остроухов Н.В., Ромашев Ю.С. 2014. О кодификации международного права. – *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. № 3. С. 217–224.
10. Синякин И.И. 2017. Перспективы международно-правового сотрудничества по борьбе с терроризмом. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 78–87. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-1-78-87.
11. Черниченко С.В. 2014. *Контуры международного права. Общие вопросы*. М.: Научная книга. 592 с.
12. Энтин М. Л. 1990. Сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом: некоторые новые тенденции. – *Ежегодник советской ассоциации политических наук*. М.: Наука. С. 24–35.
13. Awotoye T. O. 2013. State responsibility as a panacea to international terrorism. – *Humanities and Social Sciences*. Vol. 1. No. 1. P. 28–45. DOI: 10.11648/j.hss.20130101.15.
14. Bergesen, A.J., Lizardo O. 2004. International Terrorism and the World-System – *Sociological Theory*. Vol. 22. No. 1. P. 38–52.
15. Cassese A. 2001. Terrorism is also Disrupting Some Crucial Legal Categories in International Law. – *European Journal of International Law*. Vol. 12. Issue 5. P. 993–1001.
16. Cassese A. 2005. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 560 p.
17. Duffy H. 2005. *The "War on Terror" and the Framework of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 488 p.
18. Fahey S. [et al.]. 2012. A situational model for distinguish-

- ing terrorist and non-terrorist aerial hijackings, 1948–2007. – *Justice Quarterly*. Vol. 29. Issue 4. P. 573–595. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418825.2011.583265>.
19. Fullerton M. 2011. Terrorism, Torture, and Refugee Protection in the United States – *Refugee Survey Quarterly*. Vol. 29. No. 4. P. 4–30. DOI: DOI:10.1093/rsq/hdq040.
 20. Gillett M., Schuster M. 2011. Fast-track Justice. The Special Tribunal for Lebanon Defines Terrorism. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 9. Issue 5. P. 989–1020. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr036>.
 21. González M. P. 2006. Terrorismo y Conflictos Armados. La Prohibición de los Actos Terroristas por el Derecho Internacional Humanitario. – *Lucha Contra El Terrorismo Y Derecho Internacional*. Madrid: Instituto Español De Estudios Estratégicos. P. 79–102.
 22. Hmoud M. 2006. Negotiating the Draft Comprehensive Convention on International Terrorism. Major Bones of Contention. – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 4. Issue 5. P. 1031–1043. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql081>.
 23. Jenkins B.M. 1974. *International terrorism: a new kind of warfare*. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P5261.pdf> (accessed date: 12.06.2019).
 24. Jodoin S. 2007. Terrorism as a War Crime. – *International Criminal Law Review*. Vol. 7. Issue 1. P. 77–115. DOI: <https://doi.org/10.1163/156753607X181622>.
 25. Koskenniemi M. 2007. *Fragmentation of International Law: Difficulties Arising From Diversification and Expansion of International Law. Report of the Study Group of the International Law Commission*. 256 p. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (accessed date: 12.06.2019).
 26. Masahiko A. 2009. A. Security Council Resolution 1540 to Combat WMD Terrorism: Effectiveness and Legitimacy in International Legislation. – *Journal of Conflict & Security Law*. Vol. 13. Issue 3. P. 303–332. DOI: 10.1093/jcsl/krp002.
 27. Moeckli D. 2008. The Emergence of Terrorism as a Distinct Category of International Law. – *Texas International Law Journal*. Vol. 44. P. 157–183.
 28. Rosand E. 2006. The UN-Led Multilateral Institutional Response to Jihadist Terrorism: Is a Global Counterterrorism Body Needed?. – *Journal of Conflict & Security Law*. Vol. 11. Issue. 3. P. 399–427. DOI: 10.1093/jcsl/kr1026.
 29. Saul B. 2008. *Defining Terrorism in International Law*. Oxford; New York: Oxford University Press. 373 p.
 30. Sion L. 2014. Too Sweet and Innocent for War? Dutch Peacekeepers and the Use of Violence. – *Armed Forces and Society*. Vol. 32. No. 3. P. 454–474. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X05281453>.
 31. Ventura M. J. 2011. Terrorism According to the STL's Interlocutory Decision on the Applicable Law. A Defining Moment or a Moment of Defining? – *Journal of International Criminal Justice*. Vol. 9. Issue 5. P. 1021–1042. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr046>.
 32. Ward C. A. 2003. Building Capacity To Combat International Terrorism: The Role Of The United Nations Security Council. – *Journal of Conflict & Security Law*. Vol. 8. Issue 2. P. 289–305. DOI: 10.1093/jcsl/8.2.289.
 33. Zverev P.G. 2015. The Problems of Interaction of International Human Rights Law and International Humanitarian Law during Armed Conflicts. – *International Law*. No. 4. P. 1–22.

References

1. Abashidze A.Kh. Bor'ba s terrorizmom, mezhdunarodnyy ugovnnyy sud i Rossiyskaya Federatsiya [The Fight against Terrorism, the International Criminal Court and the Russian Federation]. – *Rossiyskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Spetsial'nyy vypusk* [Russian Yearbook of International Law. Special Issue]. Saint Petersburg.: Rossiya-Neva Publ. 2003. P. 35–40. (In Russ.)
2. Awotoye T. O. State responsibility as a panacea to international terrorism. – *Humanities and Social Sciences*. 2013. Vol. 1. No. 1. P. 28–45. DOI: 10.11648/j.hss.20130101.15.
3. Bekyashev K.A. Mezhdunarodnoe pravo [International Law]. Moscow: Prospekt Publ. 2019. 1048 p. (In Russ.)
4. Bekyashev K.A. Neobkhodimo li vnesenie ser'eznykh izmeneniy v sushchestvuyushchuyu sistemu norm mezhdunarodnogo prava? [Is it necessary to make serious changes to the existing system of international law?]. – *Budushchee mezhdunarodnogo prava*. Pod red. K.A. Bekyasheva [The Future of International Law. Ed. by K.A. Bekyashev]. Moscow: Prospekt Publ. 2016. P. 17–47. (In Russ.)
5. Bergesen A.J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System – *Sociological Theory*. 2004. Vol. 22. No. 1. P. 38–52.
6. Cassese A. *International Criminal Law*. Oxford: Oxford University Press. 2005. 560 p.
7. Cassese A. Terrorism is also Disrupting Some Crucial Legal Categories in International Law. – *European Journal of International Law*. 2001. Vol. 12. Issue 5. P. 993–1001.
8. Chernichenko S.V. *Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy* [International Law Contours]. Moscow: Nauchnaya kniga Publ. 2014. 592 p. (In Russ.)
9. Duffy H. *The "War on Terror" and the Framework of International Law*. Cambridge: Cambridge University Press. 2005. 488 p.
10. Entin M. L. Sotrudnichestvo gosudarstv v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom: nekotorye novye tendentsii [State Cooperation in the Fight against International Terrorism: some new trends]. – *Ezhegodnik sovetskoy asotsiatsii politicheskikh nauk* [The Yearbook of the Soviet Association of Political Sciences]. Moscow: Nauka Publ. 1990. P. 24–35. (In Russ.)
11. Fahey S. [et al.]. A situational model for distinguishing terrorist and non-terrorist aerial hijackings, 1948–2007. – *Justice Quarterly*. 2012. Vol. 29. Issue 4. P. 573–595. DOI: <https://doi.org/10.1080/07418825.2011.583265>.
12. Fullerton M. Terrorism, Torture, and Refugee Protection in the United States. – *Refugee Survey Quarterly*. 2011. Vol. 29. No. 4. P. 4–30. DOI: DOI:10.1093/rsq/hdq040.
13. Gillett M., Schuster M. Fast-track Justice. The Special Tribunal for Lebanon Defines Terrorism. – *Journal of International Criminal Justice*. 2011. Vol. 9. Issue 5. P. 989–1020. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr036>.
14. González M.P. Terrorismo y Conflictos Armados. La Prohibición de los Actos Terroristas por el Derecho Internacional Humanitario. – *Lucha Contra El Terrorismo Y Derecho Internacional*. Madrid: Instituto Español De Estudios Estratégicos. 2006. P. 79–102.
15. Hmoud M. Negotiating the Draft Comprehensive Convention on International Terrorism. Major Bones of Contention. – *Journal of International Criminal Justice*. 2006. Vol. 4. Issue 5. P. 1031–1043. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mql081>.

16. Jenkins B.M. *International terrorism: a new kind of warfare*. 1974. URL: <https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/papers/2008/P5261.pdf> (accessed date: 12.06.2019).
17. Jodoin S. Terrorism as a War Crime. – *International Criminal Law Review*. 2007. Vol.7. Issue 1. P. 77–115. DOI: <https://doi.org/10.1163/156753607X181622>.
18. Koskeniemi M. *Fragmentation of International Law: Difficulties Arising From Diversification and Expansion of International Law. Report of the Study Group of the International Law Commission*. 2007. 256 p. URL: https://legal.un.org/ilc/documentation/english/a_cn4_l682.pdf (accessed date: 12.06.2019).
19. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T. 1: Ponyatie, predmet i sistema mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. R.A. Myullerson, G.I. Tunkin [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 1: The Concept, Subject and System of International Law. Ed. by R.A. Myullerson, G.I. Tunkin]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 360 p. (In Russ.)
20. Lukashuk I.I. *Pravo mezhdunarodnoi otvetstvennosti* [Law of International Responsibility]. Moscow: Volters Kluver Publ. 2004. 218 p. (In Russ.)
21. Lyakhov E.G., Lyakhov D.E., Alimov A.A. *Bezopasnost' gosudarstva i mirovogo soobshchestva: teoretiko-pravovaya formula obespecheniya v XX veke* [Security of the State and the World Community: Theoretical and Legal Formula for Provision in the 21st Century]. Chelyabinsk: Tsitsero Publ. 2015. 302 p. (In Russ.)
22. Masahiko A. A. Security Council Resolution 1540 to Combat WMD Terrorism: Effectiveness and Legitimacy in International Legislation. – *Journal of Conflict & Security Law*. 2009. Vol. 13. Issue 3. P. 303–332. DOI: 10.1093/jcsl/krp002.
23. Moeckli D. The Emergence of Terrorism as a Distinct Category of International Law. – *Texas International Law Journal*. 2008. Vol. 44. P. 157–183.
24. Orlova I.A., Patsek M. *Mezhdunarodno-pravovye aspekty bor'by s mezhdunarodnym terrorizmom: problemy pravovogo regulirovaniya* [International Legal Aspects of Fight against the International Terrorism: Problems of Legal Regulation]. – Administrative Consulting. 2018. No. 4. P. 8–15. (In Russ.). DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-8-15.
25. Ostroukhov N.V., Romashev Yu.S. O kodifikatsii mezhdunarodnogo prava [On the Codification of International Law]. – *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 2014. No. 3. P. 217–224. (In Russ.)
26. Rosand E. The UN-Led Multilateral Institutional Response to Jihadist Terrorism: Is a Global Counterterrorism Body Needed? – *Journal Conflict & Security Law*. 2006. Vol. 11. Issue. 3. P. 399–427. DOI: 10.1093/jcsl/kr1026.
27. Saul B. *Defining Terrorism in International Law*. Oxford; New York: Oxford University Press. 2008. 373 p.
28. Sinyakin I.I. Perspektivy mezhdunarodno-pravovogo sotrudnichestva po bor'be s terrorizmom. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 1. P. 78–87. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2017-1-78-87.
29. Sion L. Too Sweet and Innocent for War? Dutch Peacekeepers and the Use of Violence. – *Armed Forces and Society*. 2014. Vol. 32. No. 3. P. 454–474. DOI: <https://doi.org/10.1177/0095327X05281453>.
30. Ventura M.J. Terrorism According to the STL's Interlocutory Decision on the Applicable Law. A Defining Moment or a Moment of Defining? – *Journal of International Criminal Justice*. 2011. Vol. 9. Issue 5. P. 1021–1042. DOI: <https://doi.org/10.1093/jicj/mqr046>.
31. Volevodz A.G. K voprosu o sushchnosti i soderzhanii mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s prestupnost'yu [On the Essence and Content of International Cooperation in the Fight against Crime], – *Mezhdunarodnoe uголовное pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya*. 2007. No. 1. P. 11–20. (In Russ.)
32. Ward C. A. Building Capacity To Combat International Terrorism: The Role Of The United Nations Security Council. – *Journal of Conflict & Security Law*. 2003. Vol. 8. Issue 2. P. 289–305. DOI: 10.1093/jcsl/8.2.289.
33. Zverev P.G. The Problems of Interaction of International Human Rights Law and International Humanitarian Law during Armed Conflicts. – *International Law*. 2015. No. 4. P. 1–22.

Информация об авторе**Наталья Алексеевна Чернядьева,**

доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия

295000, Российская Федерация, Симферополь. Павленко ул., д. 5

chernyadnatalya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2222-1886

About the Author**Natalya A. Cherniadyeva,**

Doctor of Juridical Sciences, Professor at the Department of State Law Disciplines, Crimean Branch, Russian State University of Justice

5, ul. Pavlenko, Simferopol. Russian Federation, 295000

chernyadnatalya@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-2222-1886

ПРИЛОЖЕНИЕ. Модели дефиниции терроризма в международных конвенциях

Международное соглашение	Насилие			Вред			Жертвы			Жертвы		
	Физическое насилие	Угроза причинения насилия	Психологическое насилие	Физический вред	Имущественный вред	Психический вред	Угроза причинения вреда	Тяжкие физические лица	Допускаются иные субъекты ¹	Политическая цель	Заглаживание, устраниение	Цель не предусмотрена
1. Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 1963 г.	+	+		+				+				+
2. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов, 1970 г.	+	+	+									+
3. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, 1971 г.	+	+		+	+		+	+				+
Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, 1988 г.	+			+	+		+	+				+
4. Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации, 2010 г.	+	+	+									+
5. Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г.	+	+		+	+							+
6. Международная конвенция о борьбе с захватом заложников, 1979 г.	+	+		+					+	+		+
7. Конвенция о физической защите ядерного материала, 1980 г.	+	+	+	+	+				+	+		
8. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г.	+	+	+	+	+			+				+ ²
9. Протокол 2005 года к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства	+	+		+	+				+	+		+
Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе, 1988 г.	+	+		+	+			+				+
Протокол 2005 года к Протоколу о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ	+	+		+	+				+	+		+
10. Международная Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом, 1997 г.	+			+	+							+
11. Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма, 1999 г.	+			+	+			+				+ ³
12. Международная Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма, 2005 г.	+	+	+	+	+			+ ⁴				+ ⁵

¹ Физические лица, юридические лица, правительства или международные организации.

² В отношении физических и юридических лиц.

³ Дополнительный признак, ст. 5: преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, в частности направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди населения, группы лиц или конкретных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежат оправданию ... и влекут наказание ...

⁴ Гражданское лицо или любое другое лицо, не принимающее активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта.

⁵ Дополнительный признак, ст. 6: преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, в частности направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди населения, группы лиц или конкретных лиц, ни при каких обстоятельствах не подлежат оправданию ... и влекут наказание ...

	Физическое насилие	Угроза причинения насилия	Психологическое насилие	Вред			Жертвы			Цель					
				Физический вред	Имущественный вред	Психический вред	Угроза причинения вреда	Только физические лица	Допускаются иные субъекты	Политическая цель	Запугивание, устрание	Цель не предусмотрена	Международность		
Протокол, изменяющий Конвенцию о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов, 2014 г.	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
13. Проект Всеобъемлющей конвенции о борьбе с международным терроризмом (2013)	+	+		+											
14. Европейская конвенция о пресечении терроризма, 1977 г.	+			+											
15. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, 2001 г.	+			+											
16. Договор о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом, 1999 г.	+	+		+											
17. Арабская конвенция о пресечении терроризма, 1998 г.	+	+		+											
Конвенция Организации Исламская конференция (ОИК) о борьбе с международным терроризмом, 1999 г.	+	+		+											
Конвенция Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива по борьбе с терроризмом, 2004 г.	+	+		+											
18. Конвенция Организации африканского единства (ОАЕ) о предупреждении терроризма и борьбе с ним, 1999 г.	+	+		+											
	Международное соглашение														

⁶ Принуждение физического лица, юридического лица, государства и международной организации к определенному поведению.

⁷ Предполагается, что вред может быть причинен какому-либо гражданскому лицу или любому другому лицу, не принимающему активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта.

⁸ Цель: нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения.

⁹ Понимается как намерение, но не цель.